

ПРИНЦИПИАЛЬНЫЙ

Она шла домой и улыбалась. И вроде бы не было никаких причин для хорошего настроения, но она улыбалась. Было слякотно, сыро. Она немного промокла, потому что забыла зонтик, но на душе у нее было умиротворенно и радостно, как бывает, когда встретишь очень хорошего человека. Когда точно знаешь, что эта встреча останется единственной, но незабываемой. Когда чувствуешь, что становишься свидетелем зарождения новой, чистой, благородной личности.

Уже несколько минут, как прозвенел звонок, но Людмилы Александровны не было, и урок не начинался. Рассевшиеся по местам первоклашки сначала замолкли, но, почувствовав безнаказанность, стали потихоньку переговариваться. Разговоры и нетерпеливое шуршание ног под партами постепенно перешли в монотонный гул, который сопровождался воплями и вскриками. Ученики уже ходили «в гости» на другие ряды, путали девочкам волосы и лупили друг друга учебниками.

Вовка также не отличался дисциплинированностью и вместе со всеми радостно галдел и трепал свои книжки о головы одноклассников.

Но, вдруг, плотно закрытая дверь открылась, и в класс вошли две женщины.

— Зауч,— послышалось сзади.

Что означало это таинственное слово? Вовка слышал его впервые. Наверно, что-то очень страшное, раз все так притихли! Одну из женщин он раньше встречал в школе: около 50-ти лет, в небольших роговых очках, с кучерявой прической, со строгим неприятным лицом. Вторую он не знал. Она была значительно моложе, с короткими темными волосами, смеющимися глазами и родинкой на щеке.

— Наверно они и есть «зауч»,— подумал Вовка, приводя в порядок тетрадки, учебники, карандаши и ручки. Все шло к тому, что запоздавший урок все-таки начнется.

Знакомая учительница объяснила, почему нет Людмилы Александровны, и представила свою коллегу.

— Дети! Людмила Александровна заболела, и сегодня замещать ее будет Вера Сергеевна.

Вера Сергеевна никак не укладывалась в Вовкиной голове, как учительница. Она больше напоминала старшую сестру. Вовка вертелся, галдел и всячески отказывался

слушаться. Когда *учительница* в очередной раз пыталась его успокоить, он открыто заявил, что ему нравится себя так вести, и продолжал обезьянничать.

Не долго думая, Вера Сергеевна наказала сорванца, поставив его в угол. Но поскольку все хорошие углы были заняты другими непоседами, Вовке досталось местечко, где он был у всех на виду. Это позволяло безнаказанно комментировать происходящее в классе и даже передразнивать учительницу. Вовкины выходки пользовались чрезвычайной популярностью среди одноклассников. Он веселился и веселил всех окружающих, за исключением Веры Сергеевны, за двадцать минут прошедшую тест на терпение и профессиональную стойкость. Она мужественно продолжала урок.

Наступил момент, когда Вовкины проказы терпеть у нее не осталось сил. Она пригрозила ему тем, что отправит к директору, если он не перестанет хулиганить, но Вовку уже было не остановить. Он мгновенно изобразил Веру Сергеевну, грозящую наказанием, и был препровожден в кабинет директора.

Настроение у Вовки как-то сразу испортилось. Он знал, что директор школы — мужчина строгий, и всячески упирался, заставляя Веру Сергеевну едва ли не волочить его по полу. Да и перспектива малоприятного разговора с родителями настроения ему не улучшала. Уже у кабинета он понял, что от судьбы не убежишь.

В этот момент ему стало как-то неловко, стыдно. Внутренности сжались и медленно двигались вверх, заставляя вспоминать глупости и нелепости, случившиеся с ним ранее. Они сменялись событиями сегодняшнего дня, картинками мелькая в Вовкиной голове. Его выходки уже не казались смешными.

Он встряхнулся и понуро зашел в приемную.

Директора не было на месте, и Вовку оставили здесь под присмотром секретаря. Он представлял, как будет объяснять маме с папой причину своего позора и не находил себе оправданий.

— От отца с матерью сегодня попадет...— жалостливо протянул Вовка, поглядывая на секретаря, надеясь получить хоть от кого-то небольшую моральную поддержку. Но секретарь строго посмотрела на него и сказала:

— Ну, а зачем безобразничал? Поделом тебе.

Вовка захлюпал носом. Он представил суровое молчание отца и долгие разговоры мамы, старавшейся понять самой и рассказать ему, почему это произошло и что делать дальше. Стул в центре комнаты, закрытую дверь, повисшую тишину. Да еще скоро придет директор...

— Сидишь? — услышал Вовка голос Веры Сергеевны, внезапно оказавшейся рядом с ним. Он так глубоко был в своих мыслях, что не заметил, как она подошла к нему. Вовке было очень стыдно, и он, все еще хлюпая носом и глядя на свои ботинки, с трудом выдавил из себя:

— Простите меня, я больше так не буду.

Вера Сергеевна улыбнулась. Она потрепала Вовку по голове и сказала:

— Больше не будешь обезьянничать?

— Нет,— ответил Вовка, сопя носом и продолжая внимательно рассматривать свои ботинки. Ему действительно было очень стыдно, и он решил во что бы то ни стало понести заслуженное наказание.

— Ну, пойдем в класс. Обещаешь больше не безобразничать? — спросила Вера Сергеевна и взяла Вовку за руку. Но он вырвал руку.

— Обещаю,— прохлюпал он,— но в класс не пойду. Я должен быть наказан и буду ждать директора.

Вера Сергеевна безмолвно стояла рядом с учеником, совершенно не представляя, как себя вести дальше, а секретарь даже отвлеклась от папок, пытаясь понять, что происходит. Вовке было не до них, он горевал, все также внимательно всматриваясь в свои ботинки.

— Я тебя прощаю, Вова,— после некоторого раздумья произнесла Вера Сергеевна,— кроме того, ты и так уже достаточно наказан.

— Нет,— принципиальный Вовка был непреклонен.— Вы привели меня к директору, и я должен получить по заслугам.

Вера Сергеевна продолжала уговаривать, и даже пыталась увести его, взяв за руку, но Вовка уперся и сумел вырваться. Несчастной учительнице ничего не оставалось, как вернуться в класс одной.

Пришел директор. Он быстро, но внимательно оглядел Вовку.

— Что случилось? — обратился он к секретарю.

Она что-то прошептала ему на ухо и потом вышла из приемной, а директор, покинув Вовку, скрылся в своем кабинете.

Вовкино сердце бешено колотилось в груди. Он проклинал беса, вселившегося сегодня в него.

Секретарь вернулась с Верой Сергеевной, которая почему-то, покусывая губы, зашла к директору. Через минуту она вернулась и с улыбкой обратилась к Вовке:

— Ну, заходи!

Еле живой Вовка поплелся за ней.

— Рассказывай, что натворил,— строго сказал директор.

Вовка со слезами на глазах поведал историю своего шалопайства.

Возвращаясь из школы домой, Вера Сергеевна думала о Вовке. Он доставил ей сегодня множество хлопот: дразнился, проказничал, да еще заставил с директором объясняться. Но она почему-то была уверена, что он никогда не станет подлецом и прохвостом, что станет надежным и порядочным человеком, что никогда никто не будет за него краснеть!

Она шла и улыбалась. И никто не знал, почему. Почему она улыбалась именно сейчас, возвращаясь домой после, возможно, самого трудного дня в ее жизни.

РАЗВИЛКА

Какой-то молниеносной вспышкой остался этот день в моей жизни. Он никогда не сотрется из памяти, ибо события, произошедшие тогда, направили мою жизнь в другом направлении.

Сейчас я вижу, что тот день был некой развилкой, и что иду теперь по дороге, которая медленно отдалается и от перекрестка, и от дороги, по которой я мог бы идти, не будь тех памятных событий. И осознаю, что некоторые поступки я не совершил именно благодаря им; некоторые слова не сказал именно после произошедшего в этот день.

Кто-то от кого-то слышал, что он сильно заболел; кто-то где-то читал, что он сошел с ума. Его имя поросло мифами, а его прошлое стало легендой. В юности он был кумиром множества поклонников, тысяч людей. А потом как-то скоростижно отошел от дел. Неведение для меня продолжалось до тех пор, пока Господь не свел нас для личной беседы. Всего одной беседы.

Я никогда не видел его в жизни ранее. Сейчас же смотрел, сравнивая лицо собеседника с образами различных фотографий, сохранившихся в моей памяти. Смотрел, узнавая и не узнавая.

Неприятную усмешку прежних фото сменила еле заметная добрая улыбка. Скулы и нос стали более отточенными. Извечная бандана исчезла, и теперь стали видны короткие седые волосы. Его движения были неспешны, однако в них чувствовалась конечность действий, их ясность и очевидность. Медленная речь создавала ощущение рассеянности, но каждое слово было выверено, чувствовалась абсолют-

ная ясность сознания. Три часа разговоров на самые разнообразные темы, несколько чашек чая...

И вот теперь стою на автобусной остановке, ошарашенный и не до конца уверовавший в произошедшее. Мысли путаются, кавардак в голове мешает увидеть номер нужного маршрута, однако душа трепетно ждет какой-то перемены, чего-то нового, важного.

Я размышляю о творчестве, о его влиянии на людей, о грехе, о Боге, поражаясь глубине знаний и прочувствованности этих знаний душой моего собеседника. В моем кармане припрятана подаренная им книжка «Мысли о духовной жизни в современном мире из писем игумена Никона (Воробьева) и схимигумена Иоанна (Алексеева). Еще многое предстоит узнать.

* * *

Всего несколько остановок до метро. Я почти решил пойти пешком, но подошел автобус, и меня прямо-таки занесло в салон. Неразбериха в мыслях едва ли не привела к выяснению отношений с водителем при оплате проезда пластиковым билетом. В самый разгар нашего диалога, когда уже начинали повышаться голоса, к турникету, мимо меня, протиснулся невысокого роста дедушка. Его окладистая, богатая, серо-седая борода сразу бросалась в глаза, а ироничная и все понимающая улыбка, прятая под ней, каким-то удивительным образом выскальзывала на его лицо.

— Проходите по моему билету,— сказал он, и, вставив в устройство многоцветную карточку, легонько подтолкнул меня к турникету. Конфликт был исчерпан, и лучшего, чем проскользнуть мимо автоматического контролера и сесть на свободное место, придумать было трудно. Напротив расположился мой благодетель.

— Не стоило, у меня есть билет. Могу себе позволить купить его,— отшутился я, с трудом скрывая смущение,— но огромное Вам спасибо!

— На здоровье.

Я посмотрел в окно. Теплая, слякотная зима. Серые однообразные здания большого города. Бешено несущиеся легковушки, пронырливые маршрутки, неторопливые троллейбусы. Редкие пешеходы безучастно месят ногами грязный тающий снег. И вдруг, среди многоэтажек, уличных фонарей и массы висящих кабелей, совершенно неестественным видением является лазурного цвета церковь. Она неторопливо шествует за окнами, оставляя за собой чувство смиренного спокойствия.

— Вы не из храма идете? — вернул меня в салон автобуса старичок.

Мои рассуждения и чувства, наверно, были на лице. Трехчасовая беседа и церковь в окне были как-то связаны. Но как?

— Нет, я не здешний. У себя, в своем городе, конечно, хожу в храм. Сюда я приезжал в гости.

Может быть, эти удивительные небесные оазисы, которые мы называем церквями, особенно нужны именно в таких местах, чтобы, оглянувшись, человек мог бы вспомнить о Боге.

Храм за окном исчез, снова обнажив унылость большого города.

Я вышел на конечной остановке и слился людским потоком, который уверенно доставил меня к метро. Подойдя к турникету, я немного закопался, ища по карманам жетон, и почувствовал легкий толчок в плечо, а какой-то голос негромко, но четко произнес:

— Проходите по моему билету!

Подняв голову, я увидел улыбающееся лицо знакомого мне старичка. Он приложил карту к светящемуся кружку:

— Все равно я не наезжаю положенного,— его улыбка вновь выскользнула из бороды, а глаза хитро, весело, и в тоже время добродушно лучились.

— Давайте-давайте! — бодро подталкивал он меня к турникету.

Второй раз этот необычный человек одновременно возвращал меня в реальный мир, поражая своими неожиданными действиями. В изумленном оцепенении пройдя контроль, я оглянулся по сторонам, но старичка нигде не было видно.

Крайне редко можно встретить на улицах огромного города подобное отношение. Удивительный человек. Как удастся ему быть совершенно другим в серой, безразличной, кипящей массе? Жить не по принятым нормам, а по велению души?

Я нащупал в кармане подаренную книгу. Все-таки удивительный день: странный, добрый, необыкновенный. Встреча с кумиром юности, чудесное появление церкви в окне автобуса, необычный старичок...

Эскалатор вызволял меня из подземелий метрополитена на солнце и воздух. Еще совсем немного и останется всего пару сотен метров до дома. Впереди, поверх людских затылков, уже показался выход. Знакомые сталагмиты фонарей, знакомые рекламные баннеры, знакомые борода и смеющиеся глаза...

В нескольких ступеньках от меня стоял мой, уже теперь старый знакомый, старичок и хитровато улыбался. Сойдя с эскалатора, он стремительно подскочил ко мне, сунул что-то в руку, пробормотал: «Храни Вас Господь», и также стремительно исчез, растворившись в толпе прохожих.

Ошеломленный, разжав ладони, я увидел маленькую бумажную иконку Святителя Иоанна, Чудотворца Шанхайского и Сан-Францисского — усердного и смиренного молитвенника, заступника всех болящих детей и взрослых.

Больше я никогда не видел этого старичка. Кто он такой, этот поразительный человек? В очередной раз я должен «пройти по его билету», вложенному в мои руки, но куда этот билет, не знаю. Но я твердо уверен, что поездка моя была правильным шагом; чувствую, что что-то в жизни пошло по-другому с тех пор. И очень этому рад.

ОДИН ПРЕКРАСНЫЙ ДЕНЬ ИЗ ЖИЗНИ МОЙЩИКА

Сегодня опять она. Всякий раз, встречаясь с ней, ухожу в глухую оборону. Ни малейшего повода, ни единого лишнего слова. При встрече мне вспомнились строчки из стихотворения одной знакомой поэтессы: «...и эта медленная речь, и это странное вниманье».

Дежурное «добрый день» на проходной, турникет, по лестнице на 2-й этаж. Слева дверь в женскую раздевалку, справа в мужскую. Как-то раз перепутал. Вход в женскую ближе, вот по лени и завернул. Но без казусов, вовремя опомнился.

Шкафчик. Выгружаю свои пожитки. Интересно, что сегодня моя Светулька дала на обед? Потом узнаю, помучаюсь. Пусть будет приятным сюрпризом. Наверно странно, но ее обед всегда приятный сюрприз.

Майка, штаны, куртка, кепка, САПОГИ! 15 часов в резиновых сапогах! Ну, не в первый раз. Эти хотя бы не жмут.

Из духоты раздевалки — в аппаратную через галерею с высокими окнами, откуда уже через край плещет солнечный свет, навевая некое уныние в преддверие жаркого дня. Уборщица моет пол.

— Куда по мокрому идешь? Не видишь?

Перехожу на другую сторону. Мы коллеги по роду деятельности. Нельзя обижать и обижаться.

В аппаратной кондиционер. Полминутки холодка. Расписываюсь в журнале и

вниз, на мойку, к себе. Кто-то в боксе уже есть. Юрка. Он каждое утро первый. Кто-то еще. Володька. По два рейса у них сегодня. Здравуюсь. Вовка хитро улыбается. Полгода назад мы с ним едва не сцепились. Не хватило только одного неосторожного движения. Хорошо, что не хватило. Теперь вот крепко здороваемся.

Записываю обоих в журнал осмотра, подготавливаю пропуска на выезд с завода. Бланки закончились. Прошу приемщицу распечатать. Сегодня Ирка. Жалуется на моего сменщика-лентяя. Смеюсь в усы.

Обнаруживаю несколько пустых канистр на эстакаде. Уборщица подкинула. Непонятная какая-то. Вещи разбрасывает, моет плохо. Ну ее. Выброшу.

Нужно приготовить моющее средство. Наливаю воду в ванночки. День душный, рукам приятно от холодной воды. Теперь все. Одна ванночка с водой, другая с моющим. В них мою резинки с люков, клапана, крышки патрубков.

Первым подъезжает Юрка.

— Юр! Вчера 783-го не было. Что-то случилось?

— Бочку чинит. Сегодня его тоже не жди.

Минус одна машина на сегодня.

Подсоединяю шланги. Теперь на эстакаду, поливать цистерну пеной. Вспоминаю, что не помыл сливной патрубок и заглушку. Вниз, шланги долой, тру щеткой патрубок. Пена пока разъест жир и грязь с люков и горловин. Снова на эстакаду, прохожусь щеткой и смываю водой. Теперь дело за техникой. Кнопка запускает автоматическую мойку. Минут 20-25 можно провести, присматривая за тем, чтобы мойка не зависла.

— Спасибо, Вовчик! До вечера!

— На здоровье. Жду тебя.

На вторую линию подъехал Володька. Теперь все тоже самое с ним.

Теперь пару часов никого не будет. Можно доделать недоделанное, привести бумаги в порядок, подтянуть гайки, посидеть у Ирки (у нее в будке тоже кондиционер) или просто понаблюдать за жизнью, за миром. Время есть. Суета начнется позже.

Здесь, в боксе, ласточки свили три гнезда. Из них торчат головки птенчиков. Родители, проделывая головокружительные виражи, подлетают к ним, и, зависая в воздухе, передают им из клюва в клювик завтрак. Затем теми же невероятными траекториями вылетают на поиск новых порций для остальных. Иногда ласточки садятся на пол, чтобы попить из лужицы. В них отражаются облака. Я, вопреки инструкции, выхожу на улицу. Кусочки ваты плывут по голубому небу. Красиво, хочется подольше понаблюдать, но солнце очень яркое. Глаза режет, и я возвращаюсь в «офис».

Мой «офис» — это стул, который я ставлю в боксе за огромной упаковочной машиной, которая уже полгода стоит здесь. Беру сюда свои бумаги и ожидаю новой партии молока. Его сольют, и я буду мыть цистерны.

Меня будит шум двигателя грузовой машины. Генка приехал.

Время обеденное, но есть не хочется; да и рано еще. Мне работать до поздней ночи. Сейчас покушаешь, потом будешь мучиться. А все-таки интересно, что же сегодня положила на обед Светулька?

Начинается суета. В боксе уже пять цистерн, на улице еще. Здравуюсь с водителями, перекидываемся фразами. Хорошо, когда нормальные отношения между людьми. А было ведь иначе.

Я странный — необщительный, в себе. Это отталкивает. Вдобавок, поначалу так был сконцентрирован на работе, что порой не слышал и не видел окружающих. Такое не может нравиться. Теперь немного расслабился. Да и ребята привыкли.

Беготни много. На эстакаду — с эстакады, на машину — с машины. Шланги, резинки, клапана, пенная станция, микробиологи, журнал осмотра, пропуска...

Между машин в приемку пробирается молоденькая девчущка. Из лаборатории кажется. Каждый раз приветливо здоровается, улыбается, что-то спрашивает. Лет бы 20 назад... Вспоминаю свой заботливо приготовленный и упакованный термосок. Нет! Не нужно никаких 20 лет назад. У меня есть все, о чем можно мечтать.

Есть хочется. Пока сливаются большие цистерны, сбегая покушать. Вверх по лестнице. Чем ближе, тем сильнее голод. Лечу. Что же там в баночке? Сегодня вареная картошка с умопомрачительными котлетами из индюшки. От одного вида котлет активно выделяется слюна. Маленькими кусочками, но быстро. До конца не доедаю, оставляю себе мечту на поздний вечер. Еще не насытившийся, но уже с утолненным голодом иду назад.

Осталось недолго. Машины остались только большие. На них лазить не нужно. Пока они моются, выхожу на воздух прощаться с остывающим днем. Стемнело уже. Виден лунный диск. Он слегка прикрыт облачками, которые подсвечиваются отраженным его светом. Выглядит зловеще, но очень красиво.

Теперь можно немного почитать. Пару дней назад сломалась электронная книга. Очень расстроился. Сегодня тайком пронес томик И. С. Шмелева. Какой же это кайф — читать бумажную книгу! Я стал ощущать события не только через слова и предложения, но и осязать их пальцами, перелистывая и разглаживая страницы.

Рассказывал ребятам, что читаю. Одни ушли, другие зевают. Двое слушают. Я видел их пару смен назад с книжками в руках.

Совсем уже темно. Луна еле-еле плывет по черному небу. Она тоже устала.

Вот и последняя машина. Последнее нажатие на кнопку автомойки. Теперь промыть ванночки, убрать ведра, закрыть задвижки, протереть пол, сложить бумаги стопочкой и записать в журнал передачи смен ЦУ для сменщика-лодыря.

Едва двигая ногами, поднимаюсь к галерее. Здесь тоже темно. И это хорошо — не видно усталости, грязной одежды и радости от окончания смены.

Отмечаю у сменного мастера и через пару минут скидываю сапоги.

Надо не забыть ничего.

Турникет, и все уже за плечами.

Прощайте все.

Любящие и злорадствующие, понимающие и непонимающие.

Прощай, «медленная речь и странное вниманье». Надеюсь, что мы больше никогда не встретимся. Но как знать...